

*ПАРИЛОВ Олег Викторович, доктор фило-
софских наук, профессор, профессор кафедры фи-
лософии Нижегородской академии МВД России.
Автор 130 научных публикаций**

ПРОБЛЕМА «РОССИЯ – ЗАПАД» В РУССКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ИСТОРИОСОФИИ XIX – НАЧАЛА XX века

В статье исследуется эволюция взглядов русских консервативных философов истории XIX – первой трети XX века (славянофилов, авторов цивилизационных теорий Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, евразийцев) на проблему взаимоотношения России и Запада, определения этно-цивилизационной идентичности нашей страны и ее призвания в мировой истории. Рассматриваемые идеи особенно актуальны для современной России. Непроясненность вопросов о глубинных причинах агрессии западной цивилизации против нашей страны и о стратегии реагирования на эту агрессию, о роли России в современном геополитическом раскладе; противоречивая внутренняя политика (сопряженность антизападной риторики с некритичным копированием европейско-американских моделей государственного строительства, трактовкой западной цивилизации в качестве общечеловеческой) – все это свидетельствует о ситуации цивилизационной неопределенности нынешней России. В решении обозначенных вопросов консервативными авторами XIX – начала XX века прослеживается общая динамика движения с Запада на Восток. Славянофилы подчеркивают необходимость органичного взаимодействия русской православной культуры с культурой европейской. Апологет всеславянского культурно-исторического типа Н.Я. Данилевский трактует западную цивилизацию как гибнущую и враждебно настроенную по отношению к России, взаимодействие с Западом для нашей страны считает пагубным. Этот взгляд на романо-германский мир будет воспринят и его последователями. К.Н. Леонтьев отрицает всеславянскую солидарность, сосредотачиваясь на России как наследнице Византии. Евразийцы утверждают русско-азиатскую (туранскую) идентичность России, необходимость культурного взаимодействия с великими цивилизациями Востока. Все консервативные мыслители данного периода отстаивают идею органического развития нашей страны, недопустимости механического копирования культурного опыта иных цивилизаций.

Ключевые слова: *русский консерватизм, славянофильство, неославянофильство, византизм, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, евразийство, Россия и Запад.*

*Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3; e-mail: olegparilov@yandex.ru

Для цитирования: Париков О.В. Проблема «Россия – Запад» в русской консервативной историософии XIX – начала XX века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 98–108. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.98

В современной отечественной философии проблема взаимоотношения России и западной цивилизации – одна из центральных. В настоящее время она особенно обострилась в связи с напряженными поисками национальной идеи. В решении данной проблемы при всем обилии самых разных точек зрения, на наш взгляд, можно выделить три основные позиции. Во-первых, крайние западники, впадающие в откровенную русофобию (В.К. Кантор, А.Л. Янов и др.), лелеющие «вековую российскую мечту стать “столь же цивилизованным, как Запад”» [1, с. 24]. Во-вторых, умеренные западники (И.Б. Чубайс, В.М. Межуев). Не искажая историю нашей страны, они все же видят задачу России в «продолжении начатого Западом дела построения общечеловеческой цивилизации, но только в направлении ее примирения с культурными и природными основаниями человеческого бытия» [2, с. 14]. В-третьих, современные сторонники самобытного пути России, рассматривающие нашу страну как уникальную самоценную цивилизацию. Примером может служить неоевразийство (А.Г. Дугин, А.С. Панарин). С их точки зрения, Россия-Евразия в качестве носителя истинной православной духовности призвана противостоять натиску апокалиптических сил материального Запада. В этом они видят мессианское призвание России: «...сегодня... проблема состоит в дихотомии Запад – Восток, в агонии самоуверенной бездуховности, не способной ответить на вызовы времени... Главная загадка наступившего XXI века связана с тем, кому предстоит выполнить роль Иерусалима – носителя миссии духовного обновления и просвещения» [3, с. 60–61]. К этой же позиции следует отнести выразителей идеи Русского мира – последователей Н.Я. Данилевского. Русский мир для них – это культурная общность людей и народов, объединяющихся вокруг своего исторического и духовного центра – России (А.М. Столяров, В.Л. Цымбурский, В.А. Никонов, Н.Н. Нарочницкая и др.). Суть идеи Русского мира верно выразила О.Н. Батанова. По ее мнению, это «глобальный культурно-цивилизационный феномен, состоящий из России как материнского

государства и русского зарубежья, объединяющий людей, которые независимо от национальности ощущают себя русскими, являются носителями русской культуры и русского языка, духовно связаны с Россией и неравнодушны к ее делам и судьбе» [4, с. 83–84].

При этом современные западники и почвенники нередко оказываются бессильными объяснить очевидные факты. К примеру, сторонники «европейского пути» обычно не задаются вопросом, почему западные идеи, перенесенные на российскую почву, дают совсем иные плоды, чем на своей родине, и только ли огромная территория России мешает Европе признать ее своей частью. А евразийская позиция оставляет без ответа вопрос: что в культуре России европейское, а что – азиатское? Обилие позиций по проблеме взаимоотношений России и Запада, непроясненность ключевых вопросов национально-государственного строительства в целом, состояние цивилизационной неопределенности на современном этапе – все это побуждает обратиться к опыту русских консервативных мыслителей прошлого. В решении проблемы «Россия – Запад» их идеи, высказанные в XIX – начале XX века, в контексте нынешней социокультурной ситуации звучат особенно злободневно.

Первая половина XIX века в целом была весьма противоречивой эпохой, в т. ч. и во взаимоотношениях России и Запада. Именно в это время русская интеллигенция по-настоящему открывает для себя Европу, зачаровывается ее культурными достижениями. Трудно переоценить влияние великих немцев-классиков (Ф.В.Й. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель) на становление русских мыслителей, в т. ч. и консерваторов-славянофилов. С другой стороны, вторжение французов в Россию в 1812 году как одно из проявлений агрессии западной цивилизации против России; кровавые революции, сотрясавшие Европу в XVIII–XIX столетиях, были пророчески опознаны славянофилами, почвенниками, во-первых, как проявление враждебности к русскому православному миру, во-вторых, как необратимая старость, начало заката евро-

пейской цивилизации. По словам Ф.М. Достоевского, яркие цветы культуры Европы – всего лишь дорогие могилы.

Старшие славянофилы в противовес эпигонам-западникам выступили с концепцией органического развития России на основе самобытных духовных начал (православие, соборность, приоритет духовных ценностей, внутренняя духовная свобода, цельность разума и жизни). Кроме того, они – выразители идеи мессианского призвания России [5]. Данные ключевые принципы и определили их детальную разработку проблемы взаимоотношения России с Западом.

Прежде всего славянофилы выразили суть западноевропейских католическо-протестантских начал. Во-первых, это ключевые основания ментальности, на которых Запад «сознательно или бессознательно строил свою жизнь» [6, с. 54]: рационализм; раздвоенность духовного и общественного бытия; индивидуалистический эгоцентризм; формализм; приоритет материальных ценностей, детерминирующих утилитаризм и секуляризацию. Указанные начала мыслители оценивали крайне негативно – как ведущие Запад по тупиковому пути развития (мертвое формальное единство; слияние церкви и государства; рассудочность в постижении высших истин; крушение семьи)¹.

Во-вторых, это и элементы культуры, социальной жизни. К ним у славянофилов отношение неоднозначное. По их убеждению, религиозное (католическо-протестантское) влияние Запада на Россию особенно губительно для нее – в данной области заимствовать у Европы нечего. Высоко славянофилы ценили философию Запада, допускали для России «заимствования в области рассудочных построений», т. к. они «не способны поколебать духовных основ

национальной культуры»². Отдавая должное научным достижениям Запада, допуская возможность и благотворность заимствования результатов «фактического знания и внешнего опыта»³, философы вместе с тем предупреждали об опасности слепого эпитонства в этой сфере, ибо общие выводы европейской науки, с их точки зрения, «представили только отрицательное значение»⁴. Искусство Запада при всем его величии, согласно славянофилам, оказалось плодом языческого направления и в итоге оторвалось от реальной жизни, воспроизводя отвлеченные формы. Более всего мыслители ценили материальную культуру, технику Запада. Они говорили о необходимости заимствования в данной области, т. к. технические достижения не способны извратить самобытные начала России.

В целом славянофилы были далеки от антагонизма русской православной и западной цивилизаций, отдавали должное достижениям европейской культуры и образу жизни, признавали первенство Запада во многих аспектах. Славянофильство сформировалось после 150-летнего эпитонства; русская интеллигенция прониклась плодами западной культуры, и славянофилы – не исключение: они признавались, что принадлежат Западу «своим воспитанием, привычками, вкусами... складом ума... связаны с ним многими неразрывными сочувствиями»⁵.

Однако, признавая это, философы высказывали и идею тупиковости западного пути: «Развитие Европы закончено, жизнь оцепенела»⁶. Отрицая слепое, некритичное копирование западного опыта, они выступили за органическое усвоение плодов европейской культуры, имевших общечеловеческое значение: «...все прекрасное, благородное, христианское нам необходимо как свое, хотя бы было европейское,

¹Киреевский И.В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. С. 234, 235.

²Там же. С. 146.

³Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. М.: РОССПЭН, 1996. С. 546.

⁴Киреевский И.В. Указ. соч. С. 235.

⁵Там же. С. 120.

⁶Там же.

хотя бы африканское»⁷. Славянофилы верили в плодотворное взаимовлияние России и Запада; более того, будучи романтиками, идеалистами, они надеялись на то, что в опоре на самобытные духовные начала и органическое усвоение западного опыта Россия в будущем встанет во главе всемирного просвещения и спасет Запад, вернув его к истинным христианским началам. В этом они видели мессианское, вселенское призвание России.

Во второй половине XIX века консервативная историософия представлена авторами цивилизационных теорий – Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым. Неославянофильская теория культурно-исторических типов Данилевского – это взгляд на мировую историю отнюдь не романтика-метафизика (как у А.С. Хомякова и И.В. Киреевского), а представителя естественных наук, строгого ученого-классификатора: он делит человечество, подобно особям живой природы, на уникальные, не сводимые друг к другу цивилизации – рождающиеся, цветущие, стареющие и умирающие. Смысл истории для него – бытие таких цивилизаций; соответственно, общечеловеческая история, общечеловеческие цели и задачи – фикция. Подобно старшим славянофилам, Данилевский выступает за органическое развитие славянского культурно-исторического типа, пишет о гибельности безоглядного копирования чужого опыта, отводит исключительное место славянству, но он далек от романтических мессианских претензий славянофилов. По Данилевскому, особое место всеславянского типа обусловлено не сверхзадачей духовно обновлять весь мир и приближать Царство Божие в истории, а молодостью (остальные, считает он, уже сходят с исторической сцены) и культурным многообразием (единственный четырехосновный тип), но и его смерть в конце концов неизбежна.

Полагаем, основной темой его ключевого историософского труда «Россия и Европа», опубли-

кованного почти 150 лет назад, стала тема извечной вражды романо-германского культурно-исторического типа против России. Написание этой работы мыслителя вдохновила Крымская, или Восточная, война 1853–1856 годов, где враждебность Европы к России проявилась особенно ярко: христианская Россия вступает в военный конфликт с мусульманской Турцией по поводу христианских святынь Иерусалима. Христианские (по крайней мере, по своим истокам) европейские страны, всю жизнь воюющие между собой, моментально забывают о своих распрях и дружно объединяются против России, встав на защиту мусульманской Турции. Налицо черная неблагодарность – извечный спутник европейской политики по отношению к нашей стране (в антироссийскую коалицию вступает и Австрия, которую Россия накануне, как пишет автор, буквально спасла от расчленения).

Эта вражда тем более парадоксальна, что видимых причин ненавидеть Россию у Запада нет: «Россия не честолюбивая, не завоевательная», всегда «жертвовала своими... выгодами европейским интересам»⁸, но в ответ – «один и тот же дух неприязни... недоверчивость, злорадство, ненависть или презрение»⁹. По нашему убеждению, Данилевский абсолютно точно определил истинное отношение Запада к нашей стране: как бы Россия ни старалась для Европы, что бы ни делала для укрепления своего имиджа в глазах Запада, взгляд европейцев на нашу страну всегда оставался и остается как на «гасительницу света и свободы, темную мрачную силу»; «всякое преуспевание России» европейцы стремятся представить как «общественное бедствие, несчастье для всего человечества»¹⁰.

У этой ненависти есть глубокие метафизические корни, которые Н.Я. Данилевский верно обнаруживает. Во-первых, в столкновении

⁷Киреевский И.В. Указ. соч. С. 156.

⁸Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 50.

⁹Там же. С. 52.

¹⁰Там же. С. 44.

романо-германского и славянского культурно-исторических типов проявилась древняя борьба между Римом и Грецией. Суть второй причины, выявленной Н.Я. Данилевским, оформилась во 2-й половине XX века в концепцию глобализации – желание романо-германской цивилизации распространить свое влияние на более молодое славянство: «Стремление романо-германского мира на Восток... составляет ту экспансивную силу... которой бывает одарен всякий живучий культурно-исторический тип»¹¹. Вместе с тем Европа бессознательно чувствует, что не в состоянии ассимилировать славянство, имеющее «и силу, и притязание жить своею... самобытную жизнью»¹². Это порождает раздражение и, как следствие, ненависть. В глазах Европы «русский» может «претендовать на достоинство человека только тогда, когда потерял уже свой национальный облик»¹³. И единственная роль, которую отвела нам Европа, – «быть носителем и распространителем европейской цивилизации на Востоке»¹⁴.

Еще полтора века назад Н.Я. Данилевский правильно прочувствовал и высветил суть глобализационных тенденций: ложную «историко-географическую аксиому» деления мира на прогрессивный Запад и косный Восток, будто «Запад... составляет полюс прогресса; Восток, Азия – полюс застоя и коснения»; взгляд Запада на Россию как на «трудно преодолимое препятствие к развитию... настоящей общечеловеческой, т. е. европейской... цивилизации»¹⁵. Н.Я. Данилевский развенчивает миф о том, что Европа – единственный носитель прогресса. Что касается западного псевдомессианизма,

то зачастую «цивилизаторской» миссией Запад прикрывает собственные меркантильные интересы – «получение гонорариев»¹⁶. Исходя из этого, Н.Я. Данилевский пророчествует о миссии России – стать препятствием на пути западной культурной и политической экспансии. Россия, считает мыслитель, представляет «единственно возможное ручательство за сохранение всемирного равновесия, единственный оплот против всемирного владычества Европы»¹⁷.

Ненависть Запада к России, по Н.Я. Данилевскому, – это ненависть дряхлеющей цивилизации к цивилизации, входящей в пору молодости и цветения. 150 лет назад Европа находилась, как замечает автор, «в апогее своего цивилизационного величия». Но именно это обильное плодоношение, как пророчески уловил мыслитель, и было верным индикатором угасания: «Самое обилие результатов европейской цивилизации есть признак того, что творческая сила уже начала упадать»¹⁸. Во всяком случае, он уже в XIX столетии отчетливо видел признаки духовного разложения, которые, по нашему убеждению, приобрели гипертрофированные формы именно сегодня: угасание религиозности («христианство как в протестантском, так и в католическом сознании подпилено под самый корень»); насильственность, порожденная «чрезмерным чувством личности, индивидуальности»; стремление «к безграничной, ничем не умеряемой свободе»¹⁹.

Неприязнь Европы по отношению к России вполне объяснима: «Не принадлежа к Европе, одним существованием своим Россия уже нарушает систему европейского равновесия.

¹¹Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 317.

¹²Там же. С. 51.

¹³Там же. С. 52.

¹⁴Там же. С. 61.

¹⁵Там же. С. 64.

¹⁶Там же. С. 62.

¹⁷Там же. С. 424.

¹⁸Там же. С. 169.

¹⁹Там же. С. 179.

Ни одно государство не может отважиться воювать с Россией один на один»²⁰. Пророчески мыслитель пишет, что Запад готов на все, лишь бы навредить России. В ход идут двойные стандарты (Запад самонадеянно стремится влиять на внутреннюю политику России, в то время как США следуют верховному принципу «Америка принадлежит американцам... всякое вмешательство иностранцев в американские дела сочтут Соединенные Штаты за оскорбление»); откровенный цинизм и преступления: «Ведь терпит же Европа... турецкие насилия (грабежи, изнасилования и убийства) над греками и славянами единственно из вражды к России и к славянству»²¹. Данилевский еще в позапрошлом столетии предвидел излюбленную тактику Запада ослаблять русское начало по окраинам России, для чего в ход идет покровительство инородческим элементам. Поразителен пророческий дар мыслителя, если учесть серию цветных революций по окраинам России, спровоцированных США и Европой в наши дни. Полагаю, именно сегодня правота Н.Я. Данилевского особенно очевидна. Любые успехи нашей страны на внутри- и внешнеполитической сцене неминуемо встречают агрессивное противодействие, беспрецедентную информационную войну Запада против России.

Одним из первых Н.Я. Данилевский справедливо обличал застарелую болезнь русской беспочвенной интеллигенции – «европейничанье»: «1. Искажение народного быта и замен его формами чуждыми... 2. Заимствование иностранных учреждений и пересадка их на русскую почву... 3. Взгляд... на русскую жизнь с иностранной, европейской точки зрения... 4. Трусливый страх перед приговорами Европы, унижительно-тщеславное удовольствие от ее похвал»²². Эти обличения, на наш взгляд, звучат очень современно.

Историософские воззрения теоретика византизма К.Н. Леонтьева, последователя Н.Я. Данилевского, следует рассматривать в контексте его натуралистического чувственного эстетизма, а также апокалиптических предчувствий, присутствующих в целом отечественной философии конца XIX века (см.: [7]). К.Н. Леонтьев не разделял идею своего учителя Данилевского о славянской солидарности. С его точки зрения, западные и юго-западные славяне необратимо подвержены западноевропейскому буржуазно-утилитарному разложению: «все... демократы и конституционалисты» стремятся «к равенству и свободе, т. е. к идеалам или американскому, или французскому, но никак не византийскому»²³. Мыслитель, будучи дипломатом на Балканах, был свидетелем низкопоклонства «братушек-славян» перед Западом и их презрительного отношения к русским воинам, которые отдавали жизни за их освобождение от османского рабства. Так что вряд ли можно согласиться с К.Д. Карабаевой, приписывающей К.Н. Леонтьеву утверждение «славянского культурно-исторического типа» [8, с. 106]. Упования философа связаны с наследницей Византии – Россией.

К.Н. Леонтьев более всех антиномичен в трактовке западной цивилизации. Насколько высоко он оценивает Европу прошлого («европейское наследство... до того высоко, что история еще ничего не представляла подобного»²⁴), настолько радикально отрицает ее в настоящем и будущем. Пик цветущей сложности, считает он, пройден Западом в XVIII веке, затем начинается необратимый процесс распада, вторичного упрощения, итог которого – гибель. Это выразилось в эгалитарно-либеральном процессе под разлагающими лозунгами всеобщей свободы, всеобщего равенства, демократизации, считает философ. Это проявляется в ослаблении «религиозных

²⁰Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 400.

²¹Там же. С. 276.

²²Там же. С. 267, 268, 294.

²³Леонтьев К.Н. Избранное. М.: Рарогъ, Моск. рабочий, 1993. С. 63.

²⁴Там же. С. 111.

антитез», аморфном всесмешении: европейские страны становятся похожими, «бледнеют характеры», фетишизируются права личности, абсолютизируется равенство – «полное, экономическое, половое». Итоги разрушения социальной жизни – рационализм, религиозные преследования, ненависть к власти, слепые надежды на земное потребительски-утилитарное счастье. К.Н. Леонтьеву ненавистен идеал европейца: «средний человек; буржуа спокойный среди миллионов точно таких же средних людей»²⁵. Признак распада – заикленность Запада на идеалах научно-технического прогресса. Философ верно пророчесствует: наука, техника могут нести разрушение: «Что касается... до железных дорог, то это все вещи... сегодня для порядка, а завтра для разрушения удобны»²⁶.

За сто лет до появления знаковой работы Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек» К.Н. Леонтьев справедливо предупреждал, что утверждение в мире иницируемого Западом либерализма ведет к концу культурной истории человечества. Сложно найти более воинствующего антилиберала. Либерализм, считает мыслитель, ломает сословные перегородки, органические духовные начала, провозглашает в качестве идеала посредственность. Либерализм абсолютизирует личную свободу, которая, по его и нашему убеждению, может «довести до... насилия... личного рабства»²⁷.

Трудно переоценить эти пророчества, если учесть ситуацию извращенного тоталитаризма современного Запада, когда люди, отстаивающие традиционные ценности, оказываются в положении изгоев на своей земле. Либерализм, пишет Леонтьев, базируется на духе демократизма, но «большинство есть не что иное, как собирательная бездарность. Все великое было

в истории сделано отдельными лицами»²⁸. По убеждению Леонтьева, Запад, будучи носителем эгалитарно-либерального духа, разлагаясь, одновременно заражает Россию, становится «орудием всемирного разрушения». Мыслитель наиболее радикален в утверждении необходимости изоляции России от современного Запада. Он прав, что механически заимствуемый западный опыт на российской почве принимает уродливые формы, калечит сознание интеллигенции, уничтожает государство. Российский либерализм – плод либо скудоумия, либо злонамеренности, считает философ: «На всех поприщах “либералы”... служили России, если не всегда коварно, то чрезвычайно легкомысленно и не умно... Кто из них был коварен, тот достигал своей цели – расстройству общего. А кто был прям и честен в своих увлечениях, тот... просто ничего государственного не понимал»²⁹.

Таким образом, накануне XX столетия К.Н. Леонтьев предчувствует, что Россия «у страшного предела», перед ней выбор: либо «фанатически сберегать все старое, для органического сопряжения с неизбежно новым»³⁰, либо безвольно предаться вслед за Западом либеральному эгалитарно-прогрессистскому течению и в этом случае – по идеалу нигилистов – стать всемирным разрушителем.

Оформившееся в начале 20-х годов XX века евразийство трактует Россию как уникальную цивилизацию, созданную в результате культурного взаимовлияния русского православного этноса и азиатских народов урало-алтайской группы (туранцев), наследницу Византии и облагороженной православием империи чингизидов. Становлению евразийства предшествовали глобальные социально-исторические сдвиги. Первая мировая война обнаружила

²⁵ Леонтьев К.Н. Указ. соч. С. 95.

²⁶ Там же. С. 96.

²⁷ Там же. С. 135.

²⁸ Там же. С. 136.

²⁹ Там же. С. 178.

³⁰ Там же. С. 68.

глубокий кризис западной цивилизации, ставший очевидным и наиболее прозорливым европейцам (ровно 100 лет назад увидела свет работа О. Шпенглера «Закат Европы»), пробудила огромный интерес к Востоку. Две русские революции были восприняты евразийцами как шанс для России избавиться от застарелой болезни «европейничанья» и встать на самобытный путь развития. При этом евразийцы вполне осознавали разрушительную суть большевизма.

Как и Н.Я. Данилевский, евразийцы считали русскую и западную культуры чуждыми друг другу. Созданная Петром петербургская Россия, полагают они, – явление искусственное, оно знаменует начало тяжелейшего романо-германского ига. Европеизация уродует русское национальное сознание. Духовная идея христианского царства (Москвы – третьего Рима) подменяется «позитивно-политической идеей империализма»³¹, отмечает Н.С. Трубецкой. Но, теряя национальные особенности, русские не становятся при этом европейцами, потому что в глубинных – религиозных – основах русская и западная культуры суть антиподы.

Локальные цивилизации самоценны, считают евразийцы, поэтому, подобно Н.Я. Данилевскому и К.Н. Леонтьеву, они выступают против «абсолютности новейшей европейской культуры», трактовки ее как «завершения... процесса культурной эволюции мира»³². По Г.В. Флоровскому, нельзя ставить «знак равенства между Европой и человечеством, не насилуя фактов»³³. Саму идею «универсального прогресса» евразийцы справедливо считают сомнительной: «Та или иная культурная среда... совершенствуясь в одном, упадает в другом»³⁴. Исходя из этого,

западноевропейский прогрессизм ложен, ибо «свое научное и техническое совершенство Европа купила... идеологическим и... религиозным оскудением»³⁵, – пишет П.Н. Савицкий. Евразийцы также утверждают тезис гниения Запада, но в отличие от консерваторов 2-й половины XIX века оставляют ему шанс на «покаяние, возвращение к подлинным христианским истокам», что может открыть Западу «новые пути развития»³⁶. Отношение Запада к России, по их убеждению, весьма цинично: сводится к «желанию эксплуатировать естественные богатства России»³⁷ исключительно в своих целях, какая бы риторика за этим ни стояла. Верно трактует позицию евразийцев М.И. Сигачев: европеизация есть «ненасытная алчность романо-германцев, желающих прибрать к рукам ресурсы других народов» [9, с. 112]. В любом случае Западу, претендующему на мировое господство, сильная, самостоятельная Россия не нужна. Учитывая это, евразийцы постулируют всемирную миссию России – стать центром антиглобализма, освободить иные цивилизации от западного диктата. Они пророчески пишут о неминуемом столкновении Запада и России: «Европа поняла, что крепнет прежняя Европейская провинция, с которой неминуемо придется сразиться»³⁸.

В целом в евразийстве возрождается романтическая славянофильская мечта о русском мессианизме. Россия осознается как носительница общечеловеческой правды, как мировой центр воссоздания Евразии во всех смыслах: общеисторическом, общекультурном, умозрительном, хозяйственно-географическом (см.: [10, с. 247]), – верно интерпретирует евразийство

³¹Трубецкой Н.С. Пути Евразии. М.: Рус. кн., 1992. С. 372.

³²Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 221.

³³Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. Кн. 1. С. 54.

³⁴Савицкий П.Н. Указ. соч. С. 224.

³⁵Там же.

³⁶Трубецкой Н.С. Указ. соч. С. 401.

³⁷Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. С. 249.

³⁸Там же. С. 14.

А.В. Демидов. Евразийцы высказывают уверенность, что «богиня Культуры уходит к Востоку»³⁹.

Утверждаемые в результате революции большевизм, коммунизм, по убеждению евразийцев, имеют западные истоки, являются итогом «более чем двухсотлетнего периода европеизации»⁴⁰, но в дальнейшем они будут сменены православной евразийской идеологией. При этом евразийцы высоко оценивают очистительный смысл революции: она выведет с исторической сцены западно-ориентированный слой русской интеллигенции, изолирует Россию от разрушительного западного влияния.

Взор евразийцев обращен на Восток. Прервав свое «растворение» в Европе, Россия, верно полагают мыслители, должна сотрудничать с азиатскими (арабо-исламской, индийской, китайской и др.) цивилизациями. Мы солидарны с евразийцами в том, что в отличие от Запада эти цивилизации, как и Россия, не стремятся навязывать собственные ценности, культурные особенности другим. Поэтому союз России с Азией – это путь взаимного культурного обогащения с сохранением своей цивилизационной идентичности.

А.В. Демидов ставит в упрек евразийцам «сознательное антагонизирование Запада... жесткую враждебность к принципам универсализма... общечеловеческим ценностям», которые, считает он, распространились среди народов в XX веке [10, с. 253]. Нам более близка позиция Н.С. Трубецкого, писавшего о фиктивности «общечеловеческой» культуры. По его справедливому убеждению, она «сводится либо к удовлетворению материальных потребностей при полном игнорировании потребностей духовных, либо навязывает всем народам формы жизни, вытекающие из национального характера какой-нибудь одной этнографической особи»⁴¹.

А.В. Демидов, к сожалению, не уточняет, что имеет в виду под общечеловеческими (т. е. актуальными для всех цивилизаций) ценностями.

В XX веке таковыми лукаво объявлялись и навязывались иным цивилизациям ценности, выработанные исключительно западной цивилизацией (права человека, демократия, светское государство, рыночная экономика). В настоящее время именно западная цивилизация дискредитирует базовую ценность гуманизма, сбережения человека. С законодательным утверждением эвтаназии человеческая жизнь автоматически перестала быть абсолютной ценностью.

Еще одна форма дегуманизации – ярко выраженный американско-европейский расизм, двойные стандарты в отношении народов Земли: личность объявляется высшей ценностью, при условии что речь идет о личности европейца или американца. Отношение к русским, арабам, афганцам, иранцам – как к этнографическому материалу, инструменту внешнеполитических манипуляций, субъектам «империй зла». Об этом романо-германском шовинизме писал Н.С. Трубецкой: «Романогерманцы были всегда... уверены в том, что только они – люди, что называли себя “человечеством”, свою культуру “общечеловеческой цивилизацией” и, наконец, свой шовинизм – космополитизмом»⁴².

Кроме того, именно Запад сегодня идет в авангарде утверждения постчеловеческой, постмодернистской цивилизации трансгуманизма, реализуя концепт «смерть человека» в реформировании его в «более совершенные» формы. Современный Запад разрушает и базовую семейную ценность (стремление США легализовать до 30 альтернативных форм брака). Поведение современной западной цивилизации в области мирового спорта, внешней политики (циничное игнорирование международно-правовых конвенций) демонстрирует уничтожение той ценности, в отношении которой Запад традиционно претендовал на роль монополиста, – права.

Таким образом, для нас очевидно откровенно враждебное отношение Западной Европы

³⁹Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. С. 8.

⁴⁰Савицкий П.Н. Указ. соч. С. 226.

⁴¹Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. С. 118.

⁴²Там же. С. 119.

и США к России, о чем пророчествовали консервативные русские мыслители в течение XIX–XX веков. Но парадокс в том, что при всей современной антизападной риторике в ряде сфер государственного строительства до сих пор налицо латентное механическое воспроизведение сомнительных западных моделей, зачастую при прямом западном кураторстве, например в сфере образования. Что касается совместного

с Западом утверждения «общечеловеческих» ценностей, то нам более близка позиция русских консервативных авторов XIX–XX веков, предсказывавших пагубность для России подобного взаимодействия. Мы разделяем евразийскую концепцию плодотворности сотрудничества России с великими цивилизациями Востока, роли России как центра антиглобализма, утверждения многополярного мира.

Список литературы

1. Кантор В.К. Западничество как проблема «русского пути» // *Вопр. философии*. 1993. № 4. С. 24–34.
2. Межуев В.М. О национальной идее // *Вопр. философии*. 1997. № 12. С. 3–14.
3. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Эксмо, 2003. 543 с.
4. Батанова О.Н. Концепция русского мира: зарождение и развитие // *Вестн. Нац. ин-та бизнеса*. 2008. Вып. 6. С. 83–91.
5. Парилов О.В. Типологические особенности старообрядчества и славянофильства и их значение в развитии русского национального самосознания: дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2000. 180 с.
6. Щеглов Б. Ранние славянофилы, как религиозные мыслители и публицисты. Ч. 1. К вопросу о сущности учения А.С. Хомякова. Киев: Тип. Киев. артели печ. дела, 1917. 135 с.
7. Парилов О.В. «Три разговора...» Вл. Соловьева и современное толерантное общество // *Соловьев. исслед.* 2010. № 3(27). С. 31–38.
8. Карабаева К.Д. Восприятие и оценка евразийцами идейного наследия Запада // *Вестн. Оренбург. гос. ун-та*. 2013. № 7(156). С. 105–110.
9. Сигачев М.И. Образ Запада как региона в представлении евразийцев и неоевразийцев // *Актуал. проблемы гуманитар. и естеств. наук*. 2011. № 1. С. 304–307.
10. Демидов А.В. «Россия – Запад» в оценке евразийской исторической школы // *Вестн. МГУП им. Ивана Федорова*. 2011. № 3. С. 238–254.

References

1. Kantor V.K. Zapadnichestvo kak problema “russkogo puti” [Westernism as a Problem of the “Russian Way”]. *Voprosy filosofii*, 1993, no. 4, pp. 24–34.
2. Mezhuiev V.M. O natsional’noy idee [On the National Idea]. *Voprosy filosofii*, 1997, no. 12, pp. 3–14.
3. Panarin A.S. *Pravoslavnaya tsivilizatsiya v global’nom mire* [Orthodox Civilization in a Global World]. Moscow, 2003. 543 p.
4. Batanova O.N. Kontseptsiya russkogo mira: zarozhdenie i razvitie [The Concept of the Russian World: Introduction and Development]. *Vestnik Natsional’nogo instituta biznesa*, 2008, no. 6, pp. 83–91.
5. Parilov O.V. *Tipologicheskie osobennosti staroobryadchestva i slavyanofil’stva i ikh znachenie v razvitiu russkogo natsional’nogo samosoznaniya* [Typological Features of the Old Belief and Slavophilism and Their Importance for the Development of Russian National Identity: Diss.]. Nizhny Novgorod, 2000. 180 p.
6. Shcheglov B. *Rannie slavyanofily kak religioznye mysliteli i publitsisty. Ch. 1. K voprosu o sushchnosti ucheniya A.S. Khomyakova* [Early Slavophiles as Religious Thinkers and Writers. Pt. 1. On the Essence of A.S. Khomyakov’s Teaching]. Kiev, 1917. 135 p.
7. Parilov O.V. “Tri razgovora...” Vl. Solov’eva i sovremennoe tolerantnoe obshchestvo [“Three Conversations” by Vladimir Solovyov and Modern Tolerant Society]. *Solov’evskie issledovaniya*, 2010, no. 3, pp. 31–38.
8. Karabaeva K.D. Vospriyatie i otsenka evraziytsami ideynogo naslediya Zapada [Eurasianists’ Judgment and Comprehension of the European Thought Heritage]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 7, pp. 105–110.

9. Sigachev M.I. *Obraz Zapada kak regiona v predstavlenii evraziytsev i neoevraziytsev* [The Image of the West as a Region in the Eyes of Eurasianists and Neo-Eurasianists]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2011, no. 1, pp. 304–307.

10. Demidov A.V. “Rossiya – Zapad” v otsenke evraziyskoy istoricheskoy shkoly [Russia–the West as Viewed by the Eurasianist School of History]. *Vestnik MGUP im. Ivana Fedorova*, 2011, no. 3, pp. 238–254.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.98

Oleg V. Parilov

Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
Ankudinovskoe shosse 3, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation;
e-mail: olegparilov@yandex.ru

THE PROBLEM OF RUSSIA AND THE WEST IN THE RUSSIAN CONSERVATIVE PHILOSOPHY OF HISTORY IN THE 19th AND EARLY 20th CENTURIES

This article examines the evolution of the views of Russian conservative philosophers of the 19th and early 20th centuries (Slavophiles, authors of civilizational theories Nikolay Danilevsky and Konstantin Leontiev, and Eurasianists) on the relationship between Russia and the West as well as on Russia's ethno-civilizational identity and mission in world history. The ideas under study are especially relevant to modern Russia. Today, the country is experiencing civilizational uncertainty, which is evidenced by the lack of clarity in the questions about the underlying causes of Western civilization's aggression against Russia and the country's response strategy and about the role of Russia in the current geopolitical situation, as well as by inconsistent domestic policy (anti-Western rhetoric in combination with inconsiderate copying of the European-American statecraft models and viewing Western civilization as a universal one). In their efforts to solve the above issues, conservative authors of the 19th and early 20th centuries demonstrate a general dynamics of moving from West to East. Slavophiles emphasize the need for harmonious interaction between Russian Orthodox culture and European culture. Advocate of the pan-Slavic cultural-historical type Danilevsky interprets Western civilization as perishing and hostile to Russia, thus considering its interaction with the West detrimental to the country. This view of the Romano-Germanic world would later be adopted by his followers. In his turn, Leontiev refutes pan-Slavic solidarity and focuses on Russia as a successor to the Byzantine Empire. Eurasianists assert the country's Russian-Asiatic (Turanian) identity and the need for cultural interaction with the great civilizations of the East. All conservative thinkers of that period defend the idea of Russia's organic development without mechanical copying of cultural experiences of other civilizations.

Keywords: *Russian conservatism, Slavophilism, neo-Slavophilism, Byzantinism, N.Ya. Danilevsky, K.V. Leontiev, Eurasianism, Russia and the West.*

Поступила: 02.04.2018

Принята: 10.09.2018

Received: 2 April 2018

Accepted: 10 September 2018

For citation: Parilov O.V. The Problem of Russia and the West in the Russian Conservative Philosophy of History in the 19th and Early 20th Centuries. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 6, pp. 98–108. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.98